

К типологии епископов в «Истории франков» Григория Турского: типы «алкоголики», «убийцы», «подкаблучники»

Р. А. Евстифеева

Институт русского языка

им. В. В. Виноградова РАН

«История франков»¹ Григория Турского (ум. 594) характеризуется уникальным фактографическим богатством – по крайней мере в том, что касается жизни меровингских королевских дворов и религиозных институтов, действовавших на территории Галлии в V – VI вв. Автор, представитель аристократических кругов весьма романизованного Клермона, воспитывался при дворе короля Сигиберта и занял, вероятно, не без королевской протекции, должность священника в г. Туре, политическое и экономическое значение которого было в этот период весьма невелико, но символический престиж которого для галльского христианства был огромен – именно здесь прославился св. Мартин Турский (316/317–397). Св. Мартин был почитаем галльской церковью не только как непримиримый борец с язычеством – и классическим наследием, – но и как первый епископ-монах. Необходимость для церковных иерархов проходить через монашеский подвиг стала со временем одной из отличительных черт западной, католической ветви христианства, но ко времени Григория Турского, горячо защищавшего наследие Мартина, была неочевидной – и не всегда легко осуществимой, как подсказывают писания самого Григория.

---

¹ Наиболее авторитетное издание оригинала: MGH AA SS.RR.Mer I, ed. V. Krusch. Берлин, 1885. Русское издание: *Григорий Турский. История франков* = *Historia francorum*. Пер. и прим. В.Д. Савуковой. М., 1987.

Проблема кадровых ресурсов в галльской церкви VI вв. объясняется своеобразием социально-этнической структуры галльского государства: римская социальная и художественная культура, легшая на кельтский (собственно, галльский) субстракт, на военно-политическом уровне была сметена миграционными волнами, продвигавшимися с востока и из Скандинавии на запад, и единственным стабильным прибежищем галло-римской аристократии оказалась в этой ситуации церковь. С галльскими епископами, носителями комбинированной христиано-классической культуры, заключило союз одно из мигрировавших племенных объединений, принявшее христианскую веру в редакции, отличной от доминирующей среди перемещавшихся народностей арианской. В образовавшемся германо-кельто-романском государстве, несколько раз на протяжении VI в. дробившемся, но всегда остававшемся в руках меровингской династии, галло-римская земельная аристократия, во многом слившаяся с церковной структурой, конкурировала с королевским двором — или дворами, — представленным франкской военной аристократией. Меровингские короли, вынужденные сотрудничать с галло-римской элитой — находящейся в более тесном контакте с населением и владеющей управленческими и культурными механизмами, поддерживаемыми сильной и потенциально опасной Восточной Империей, — стремились заместить галло-римский элемент в церковной структуре элементом франкским.

Связь с восточной церковью [REDACTED] была недостаточно сильной, механизмы передачи культурного наследия стремительно терялись, новый этнокультурный элемент, все больше определявший кадровый облик галльской церкви, не имел доступа к семейной традиции, обеспечивавшей трансляцию культурных механизмов в галло-римской среде. Эту социокультурную атмосферу отражают многочисленные литературные и эпистолярные тексты, дошедшие до нас, но «История франков» представляет не имеющее аналогов обилие конкретного фактического и просопографического материала.

Со времени выхода «Мимесиса» Э. Ауэрбаха¹ в изучении наследия Григория Турского преобладала традиция критического отношения к произведениям епископа-историографа. Исследователи обращали

I Русское издание: Ауэрбах Э. Мимесис. Изображение действительности в западноевропейской литературе. М., 2000.

внимание на отсутствие законченных идеологических моделей в «Истории франков», которая и становилась преимущественно объектом чтения и интерпретаций. Действительно, на фоне классической и еще в большей степени византийской историографии анекдотический и фельетонный характер многих глав «Истории» поражает — наряду с беспощадным изображением как Меровингов, так и представителей церкви. Беспощадность эта прослеживается и в случаях, когда описываемое лицо представляется читателю как достойное почитания; в «Истории франков» практически нет положительных персонажей, за исключением эпизодов, в которых тот или иной персонаж фигурирует на протяжении небольшого отрезка текста.

Тем не менее, в последние годы наметилась обратная тенденция, представленная прежде всего работами М. Хайнцельмана¹, ■■■■ стремящегося показать единство замысла в десяти книгах, составляющих главный историографический труд св. Григория. Попытки эти кажутся нам не во всех случаях удачными, но заслуживающими самого серьезного отношения. Немецкий ученый указывает на возможные компоненты художественной программы турского епископа: намеренное соединение высокого и низкого, покуда речь идет о делах земных, следование элементам ветхозаветной традиции, а также отдельным элементам классической, поддержанным, в любом случае, традицией библейской и христианской.

Анализируя сегодня содержание «Истории», ■■■■■■■■ невозможно не учитывать замечания Хайнцельмана, но, как нам кажется, попытки усмотреть сознательный расчет во всех слоях ее нарративной манеры не должны отмечать очевидных противоречий в ней — произрастающих, на наш взгляд, из полемического стремления епископа-историографа указать франкскому двору на то, что и христианской, и классической традицией владели только галло-римские семьи. Именно эта двойственная референция объясняет презентацию персонажей как в агиографическом, так и в фельетонном ключе.

Анализ отдельных биографических виньеток в «Истории» затрудняется тем, что система ценностей, из которой

---

¹ Heinzelmann M. Gregor von Tours (538–594). «Zehn Bücher Geschichte». Historiographie und Gesellschaftskonzept im 6. Jahrhundert. Darmstadt, 1994; он же Gregory of Tours: history and society in the 6th Century. Cambridge, 2001.

исходил Григорий Турский, современной исторической науке не вполне ясна. Этой неопределенности весьма способствует и очевидная непоследовательность галльского историографа в оценке некоторых персонажей. В качестве одного из самых ярких примеров можно назвать короля Гунтрамна, который описывается как богопослушный и достойный монарх, *rex bonus*, — что контрастирует с рядом эпизодов, где его поведение такой характеристике очевидно противоречит (см., напр., ■■■ IV, 47); и короля Хильперика, «Ирода и Нерона нашего времени» (VI, 46), о котором в одном из эпизодов сообщается: «... король Хильперик раздал много подарков церквям, базиликам и бедным людям» (V, 34).

Как нам кажется, использование агиографических топов может — с известной осторожностью, — рассматриваться как указание на положительную оценку деятельности и поведения того или иного епископа, в то время как их полное отсутствие в описании — как свидетельство занятии персонажем средних и низких ступеней в гипотетической иерархии мужей церкви. Напротив, описание отдельных поступков далеко не всегда может рассматриваться в оценочном ключе, как мы постараемся показать ниже.

I. Евний Ваннский: загадочная немощь

«Когда Евний прибыл в Париж и служил воскресную праздничную литургию, он вдруг, вскрикнув и захрипев, упал. Из его рта и носа потекла кровь; его унесли на руках. Однако он поправился. Он чрезмерно предавался вину и обычно так сильно напивался, что не мог держаться на ногах» (V, 40).

Это описание прекрасно передает нарративную манеру Григория Турского. Логические переходы между событиями совершенно не ясны, и есть все основания полагать, что они вообще отсутствуют. Отсутствует у данного эпизода, по всей видимости, и какое-либо дидактическое значение. Предположение, что описание излишней преданности вину епископа Евния должно дополнять картину упадка меровингской церкви, с одной стороны, никак не объясняет первой половины эпизода, а с другой — опровергается стройной и в основном убедительной работой

М. Хайнцельманна (см. выше) об эклисиологическом проекте Григория в «Истории франков». У нас нет никаких специальных оснований считать, что данный эпизод введен для того, чтобы показать отдельные отклонения от этого проекта.

2. Дрокитигизил Суассонский: винопитие и слаз

«... как говорят, из-за чрезмерного пьянства четыре года тому назад потерял рассудок. Но многие жители утверждали, что это произошло с ним из-за колдовства архидиакона, которого он отстранил от должности, поскольку они видели, что Дрокитигизил, находясь в городе, становился более безумным, а если он уходил из города, то вел себя лучше. И когда в город приехал вышеупомянутый король, епископу, несмотря на то, что он чувствовал себя лучше, не разрешили войти в город по случаю прибытия короля. И хотя епископ был прожорливым и, более чем следует епископскому благоразумию, падким на вино, однако никто не отзывался о нем как о прелюбодее. Впоследствии же, когда в вилле Сорси собрался собор епископов, было решено позволить ему прибыть в свой город» (IX, 37).

Епископ Дрокитигизил предается не только винопитию (осуждение которого введено крайне аккуратным и мягким образом), но и чревоугодию, но именно чрезмерная частота встреч с Зеленым Змием лишает его рассудка. Тем не менее, такому поведению дается если не оправдание, то, по крайней мере, лояльное объяснение — заклятие, наложенное мстительным архидиаконом. [REDACTED] Другие члены церковного клира дают добро на его присутствие в городе во время королевского визита — что косвенно указывает на то, что пьянство осуждалось в терминах общественного приличия. Но прелюбодее, судя по тексту, считалось более тяжким прехом. (О епископских женах см. ниже).

3. Гунтар Турский: карьера и пьянство

«Когда он был аббатом, он выказал себя весьма разумным человеком и часто исполнял посольские поручения между франкскими королями. Но после того

как его рукоположили в епископы, он пристрастился к вину и стал почти неменяемым. При этом он делался столь безумным, что не мог узнать своих сотрапезников, которых хорошо знал; однако он нередко их бранил и упрекал» (X, 31, XVII).

Один из предшественников Григория по епископской кафедре, епископ Гунтар представлен в однозначном оценочном поле: положительно оценивается его поведение в должности аббата и отрицательно – в роли епископа, предающегося винопитию. Впрочем, единственное, что его преемник-историограф считает нужным сообщить своему читателю по этому поводу, – это забавный и яркий анекдот.

4. Каутин Клермонский: епископская месть в имущественной распре

Как и Гунтар Турский, епископ Каутин из Клермона, родного города Григория, стал злоупотреблять вином, вступив в епископскую должность.

«И вот когда Каутин стал епископом, он так повел себя, что все его проклинали, ибо он чрезмерно предавался вину. И, впрямь, он часто напивался до такой степени, что его вчетвером с трудом уносили от стола. Вот почему впоследствии он заболел падучей» (IV, 12).

Здесь пьянству выносятся суждение от имени коллектива (неясно, впрочем, о какой именно группе лиц идет речь, но мы предполагаем, что о «народе» – городской аристократии, имевшей право голоса, в частности, при выборах епископа) и порок даже карается некоторым злокачественным последствием – неясно, божественного или чисто физиологического происхождения.

Помимо излишей преданности вину, епископ Каутин представлен еще одной своей стороной: в хронике излагается эпизод жестокого покушения с его стороны на жизнь пресвитера Анастасия, владевшего собственностью, незаконный отъем которой в свою пользу пытался организовать Каутин. После угроз и содержания под стражей, не подействовавших на непреклонного

пресвитера, Каутин отдал приказ похоронить его заживо, замуравав в гробнице.

Следует более чем красочное описание страданий Анастасия:

«И так как гробница, как мы сказали, была просторной, то пресвитер хотя и не мог повернуться в ней, однако свободно протягивал руку в любую сторону. А кости мертвого, как он сам обычно рассказывал, источали зловонный запах, который действовал не только на внешние органы, но и переворачивал внутренности. И когда он закрывал нос плащом и насколько мог сдерживал дыхание, он никакого дурного запаха не чувствовал. Но как только ему казалось, что он задыхается, он откидывал немного плащ с лица и тогда вдыхал зловонный запах не только ртом или носом, но словно даже ушами» (IV, 12).

Пресвитеру удастся выбраться на волю и добиться заступничества у короля Хлотаря. Этот эпизод, однако, никак не влияет на занятие Каутином епископского престола.

«К королю Хлотарю пришел и епископ Каутин, но, обвиненный пресвитером Анастасием, удалился, побежденный и смущенный» (там же).

Наказание, как представляется, не вполне соразмерное для лица, пытавшегося кого-либо заживо похоронить, да еще и на святых мощах.

5. Фронтоний Ангулемский: божественное возмездие

Епископ Фронтоний из Ангулема также запятнал себя кровью: по его приказанию был убит «dux» Марахар – представитель королевской власти на территории Ангулема. Его поступок осуждается Григорием вполне однозначно:

«Фронтоний, по чьему совету было совершено это преступление и который вскоре принял епископство, скончался, прослужив епископом всего один год, так как божественное правосудие настигло его» (V, 36).

Обращает на себя внимание срок исполнения смертельной кары — больше года с момента совершения преступления. Вообще, предварительный анализ эпизодов, в которых отмечается наказание героев со стороны высших сил, показывает значительную неуверенность автора «Истории» в интерпретации такого рода наказаний, как и вообще сверхъестественных явлений.

6. Приск Лионский: подстрекательство со стороны жены

Епископ Приск, так же, как Фронтоний, становится жертвой божественного возмездия, но в иной форме. Вместе с супругой Сусанной он убивает сторонников своего предшественника — епископа Ницетия Лионского (дяди Григория, о чем известно из других его произведений). Возмездие настигает их в форме лишения разума, и, возможно, распространяется также на домочадцев, хотя из текста это и не совсем очевидно:

«Его сын и все домочадцы казались бледными и слабоумными, так что ни у кого не было сомнения в том, что их поразила сила святого мужа» (IV, 36).

Наличие у епископа жены — факт, обычно отмечаемый Григорием Турским с открытым осуждением. Напомним, что западная церковь приходила к целибату постепенно, и постановления галльских церковных соборов отражают противоречия и затруднения на пути к установлению целибата для всех высших церковных должностей.

Сам Григорий, горячий и, вероятно, последовательный сторонник этой линии, воспринимавший себя хранителем и защитником наследия св. Мартина Турского, женат, по всей видимости, не был — впрочем, для того, чтобы судить об этом с полной уверенностью, нет никаких надежных свидетельств. ■■■■■■

Практически во всех случаях, когда рядом с епископом действует его жена (которой церковные каноны предписывали братское, а не супружеское житие с мужем с момента занятия им должности и рекомендовали раздельное проживание), эта фигура представлена как источник злодеяний или по крайней мере неблагонравного поведения епископа.

Супруга епископа Приска не только злословит против почившего Ницетия, но и сожительствоует с мужем; впрочем, прямо о том, что именно она подстрекает супруга к убийствам, не говорится.

7. Бадегизил Леманский: злодеяния жены епископа

Жена епископа Бадегизил из Ле-Мана прямо обвиняется в подстрекательстве:

«К его грубой и суровой душе как нельзя лучше подошла еще более жестокая жена, побуждавшая его советами на совершение самых гнусных преступлений» (VIII, 39), — сообщается в «Истории».

Впрочем, преступления самого Бадегизила описываются более мягкими красками, чем злодеяния его супруги. Если он замечен в совершении насилия, грабеже и шантаже, которые поданы очень обобщенно, то редкие по своей жестокости преступления жены переданы с редким для церковного сочинения натурализмом:

«случалось, что она целиком вырезала у мужчин срамные уды прямо с кожей живота, а женщинам прижигала раскаленной бляхой обычно скрываемые места на теле. Она совершила много и других гнусных дел, о которых, я думаю, лучше умолчать» (VIII, 39).

Стоит обратить внимание на то, что епископом Бадегизил был назначен после придворной службы в должности майордома — практика, распространенная в меровингской церкви, но открыто осуждаемая Григорием. На то имелись самые разные основания: как очевидное отсутствие у франкских дворян, — попадавших на епископский престол прямо с королевского двора, а не из монастыря, — необходимой подготовки, так и социальное противостояние старой галло-римской земельно-культурной аристократии с франкской, не так давно военно-кочевой.

8. Сидоний Аполлинарий: благодеяния и семейные распри

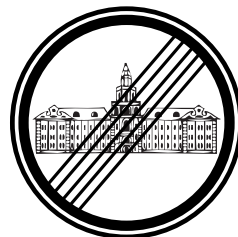
■■■■■■ История Сидония Аполлинария, самой значительной общественной и литературной фигуры

позднеантичной Галлии, для которой Григорий Турский не жалеет похвальных слов, несет в себе эпизод, не вполне подходящий для панегирика.

«Так как Сидоний отличался исключительной набожностью и, как мы упоминали, принадлежал к числу первых сенаторов, он нередко тайком от жены уносил из дома серебряную посуду и раздавал ее бедным. Когда она узнавала об этом, она сильно его бранила, и Сидоний, выкупив посуду у бедняков, приносил ее домой» (II, 22).

Здесь представляется парадоксальным более-менее каждый элемент: исключительная набожность не оправдывает наличия жены; стремление помочь бедным – раздачей серебряной посуды, – отступает перед бранью со стороны супруги; благодеяние оборачивается довольно унижительным возвращением в дом драгоценной утвари. Фигура мужа-подкаблучника, который в должности епископа не в состоянии помочь пастве из страха перед женой, контрастирует с агиографического толка описанием божественной кары, опускающей на головы врагов Сидония, а кроме того, представляется уникальной в панораме средневековой церковной литературы.

Епископский престол не был, как известно, единственным значительным эпизодом в биографии галльского литератора, побывавшего, кроме прочего, римским префектом – без всякого на то изначального расчета, – и женатого на дочери другого галльского аристократа, Авита, добившегося должности римского императора; литературное и эпистолярное наследие Сидония носит в основном светский характер, в отличие от сочинений Григория – почти исключительно агиографического толка.

К типологии епископов в «Истории франков» Григория Турского: типы «калгоголики», «убийцы», «подкаблучники»
Р. А. Евстифеева, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН